

Майкл Дэвид-Фокс. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы

Произошедший в последние годы в мировой историографии поворот к «глобальной» (или «транснациональной») истории, обусловленный, помимо прочего, глобализацией XXI в., инициировал новое прочтение множества традиционных для национальных историографий сюжетов. Но, разумеется, особое внимание вызывают в таком контексте ситуации взаимодействия, или, если использовать привычное для нас клише, «диалога культур». Довоенная советская история предоставляет для изучающего эту тему особенно богатый и сложный материал. Руководство страны, как известно, создало в целях пропаганды достижений СССР за рубежом целую инфраструктуру, сформировав в итоге специфическую культуру приёма иностранцев и взаимодействия с ними. Однако сводить данный сюжет исключительно к «пиару» авторитарной власти было бы неверно.

Анализируя в своей книге, посвящённой культурной дипломатии СССР довоенного периода¹, как складывалась, работала, какие ставила цели и какие результаты приносила подобная инфраструктура, известный американский историк, профессор Джорджтаунского университета, один из основателей журнала «Kritika» и научный руководитель Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий НИУ ВШЭ Майкл Дэвид-Фокс приходит к достаточно неожиданным выводам. Контакты с иностранцами – не только история тотального контроля, слежки и идеологических манипуляций, как можно было бы ожидать. Это гораздо более объёмная история, в которой находится место инициативе, институциональной и личной конкуренции советских функционеров, неожиданным реакциям и непредвиденным отголоскам «культурной дипломатии» за пределами и внутри СССР. Один из центральных тезисов Дэвида-Фокса – развивая язык «показа достижений», советская система испытывала форматирующее влияние собственной пропаганды.

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук В.А. Невежин (Институт российской истории РАН), О.С. Нагорная (Южно-уральский государственный университет), В.Л. Чернопёров и С.М. Усманов (оба – Ивановский государственный университет), кандидаты исторических наук А.В. Голубев (Институт российской истории РАН) и Т.А. Мухаматуллин (Институт российской истории РАН и университет Ратгерс, США).

¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / Пер. с англ. В. Макарова; науч. ред. перевода М. Долбилов и В. Рыжковский. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 568 с. (серия *Historica Rossica*).

Оксана Нагорная: Зазеркалье советской модерности: внешнеполитические презентации СССР в эпоху «великого перелома»²

Oksana Nagornaya (South Urals State University, Cheliabinsk, Russia): Through the looking glass of Soviet modernity: foreign representations of the USSR in the epoch of the «great turn»

Грядущее столетие Октябрьской революции — события, до сих пор трактуемого весьма неоднозначно, несомненно, станет поводом не только для публичных мемориальных мероприятий, но и для критической оценки состояния историографии. Наблюдаемое в последнее десятилетие расширение исследовательских ракурсов при оценке событий 1917 г. до транснационального уровня приводит к пониманию, что появление на свет первого социалистического государства ознаменовало не только начало противостояния капиталистической и социалистической систем, но и сложное взаимодействие двух миров в сфере экономики, политики и культуры. При этом даже в периоды полного разрыва традиционных дипломатических отношений возможность для контактов сохранялась именно в сфере так называемой культурной дипломатии. Её стратегии и практики, ориентированные на «другого», одновременно влияли на саморепрезентацию советских элит, миссионерскую оценку ими собственной роли на международной арене, на формирование политических практик, в том числе в сфере воспитания своих граждан. Именно транснациональное измерение советского проекта в период его становления является центральной темой монографии американского исследователя М. Дэвида-Фокса «Витрины великого эксперимента».

Аналитический интерес автора гораздо шире заявленной в заглавии монографии темы — книга полна плодотворных экскурсов в многовековые российские дискуссии о собственном «превосходстве и неполноценности» (лидерстве или отсталости), в механизмы функционирования довоенного сталинизма, каналы и инструменты транснациональной коммуникации, проблемы культурного трансфера. Автор опирается на широкий круг архивных и опубликованных источников, включая ведомственные документы, программные труды и воспоминания творцов культурной дипломатии и её подопечных, художественные и визуальные материалы. Несмотря на то, что советская культурная дипломатия межвоенного периода и феномен паломничества западных интеллектуалов в Советский Союз эпохи «великого перелома» имеют весьма богатую традицию изучения как в России, так и за рубежом³, Дэвиду-Фоксу за счёт расширения перспективы и пристального внимания именно к транснациональному контексту удаётся существенно скорректировать ряд устойчивых представлений. По его мнению, перспективным направлением дальнейшего изучения межвоенного периода являются сравнительные исследования не столько различных проявлений диктатур, сколько транснациональных сплетений между ними, определявших взаимное восприятие, заблуждения и, в конечном итоге, недооценку формирующихся угроз.

² Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 16-18-10213.

³ См., например: *Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy.* Princeton, 1960; *Фокин В.И. Международный культурный обмен и СССР в 20–30 гг.* СПб., 1999; *Голубев А.В. «Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920–30-х гг. М., 2004; Коньшева Е.В. Европейские архитекторы в советских проектных организациях в 1930-е годы: эволюция места, роли и взаимоотношений // Архитектон: известия вузов. 2014. № 3(47). URL: http://archvuz.ru/2014_3/14; *Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М., 2016.**

Пересмотру в книге подвергается само понятие «культурная дипломатия», которое в сравнении с предшествующими работами определяется более широко — как систематическое включение культурной составляющей в отношения с иностранными государствами или концентрация в рамках внешней политики внимания и ресурсов в сфере культуры. Замечу, однако, что даже это расширенное понимание не включает в достаточной мере «перспективу снизу» — культурную активность людей и общественных групп.

Автор проводит читателя за кулисы политической кухни довоенной советской культурной дипломатии и описывает противоречивый, нелинейный, конфликтный процесс оформления стратегических концепций и проведения отдельных мероприятий в условиях постоянного партийного давления и финансового дефицита. Весьма показательным для послереволюционной эпохи примером является финансирование пропаганды превосходства советской модели из фондов, выделенных заграничными организациями помощи на борьбу с голодом, — такое нецелевое использование благотворительных средств советских деятелей несколько не смущало. Постепенно в условиях первоначального институционального хаоса Советской России, когда у каждого ведомства существовали свои представительства за границей, приглашавшие нужных специалистов, рождается идея относительной унификации усилий по оказанию влияния на зарубежные страны. Однако даже появление в 1925 г. квазиобщественного Всероссийского общества культурных связей с заграницей (ВОКС) не ликвидировало проблему институционального и программного плюрализма и ведомственной конкуренции. ВОКС приходилось отстаивать своё право на существование в соперничестве с Коминтерном, нацеленным на работу с зарубежными партийными деятелями, позже — с Интуристом, созданным с коммерческими и пропагандистскими целями.

Разнородная по стилю, размаху и эффективности работа ВОКС за пределами СССР объясняется автором ситуативными влияниями международной обстановки, степенью устойчивости публичного пространства в зарубежных странах, а также личностным фактором — талантом и активностью тех или иных советских культурных дипломатов. Как правило, их гибкость и прагматизм позволяли, с одной стороны, разработать широкий спектр концепций и форм работы и привлечь в состав зарубежных обществ дружбы значительное количество ведущих публичных деятелей из совершенно разных политических кругов. С другой стороны, стремление подчинить их собственному целеполаганию, низкое качество поставляемой за рубеж текстовой и визуальной информации, концептуальные противоречия разных периодов советской политики не позволяли достигнуть устойчивого эффекта. Пожалуй, единственным постоянным направлением работы, вне зависимости от внешнеполитической конъюнктуры, было идеологическое и культурное противодействие русской эмиграции.

Обращаясь к детальному анализу визитов иностранных специалистов, интеллектуалов и общественных деятелей в Советский Союз, автор в первую очередь стремится осветить их мотивацию. Признавая значительное количество предшествовавших исследований, по-разному интерпретировавших причины притягательности (пусть иногда и отрицательной) сталинизма для западных интеллектуалов, Дэвид-Фокс критикует узость доминирующего в них однофакторного подхода и настаивает на необходимости его диверсификации. Исследование различных групп — технических специалистов, приехавших по трудовому контракту, приглашённых интеллектуалов, рядовых и нерядовых членов профсоюзных делегаций — позволяет автору констатировать наличие широкого

спектра мотивов. В их числе и молчание в обмен на публичный статус (Р. Роллан), и надежда через видимую лояльность повлиять на ход советского эксперимента и лично на Сталина (С. и Б. Вебб, Дж. Б. Шоу), и принятие нематериальных выгод статуса «друга СССР» (например, устройство детей в престижные советские учебные заведения), и мечты о реализации прорывных профессиональных проектов на советской территории (технические специалисты, инженеры, архитекторы). Не раз подчёркиваемые автором гибкость идеологии коммунизма, сам дух эпохи, отмеченный печатью кризиса идей западного либерализма и социал-демократии, а также сложная сценарность «культпоказов» способствовали закреплению взаимовыгодного характера «дружбы с Советским Союзом».

Чрезвычайная дидактичность советской политической культуры в целом обусловила специфику методов организации «культпоказа». Заграничным гостям демонстрировали преимущества социализма, но прежде всего их учили, как следует правильно наблюдать за советскими достижениями, как должно их интерпретировать и представлять после возвращения на родину. Центральной установкой, к примеру, являлось транслируемое и принимаемое многими из них убеждение, что нынешние свершения следует сравнивать не с уровнем развития Европы или США, а с дореволюционной Россией. Значимым результатом этого процесса обучения иностранцев стало формирование мировоззрения нового советского человека, принимавшего риторику и оптику самовосхваления и доводившего себя до самообмана. По мнению автора книги, именно в этом заключалась «трагедия, в которую оказалась вовлечена не горстка аристократов, а целая цивилизация» (с. 241). Стоит оговорить, однако, что столь часто употребляемая автором метафора «потёмкинские деревни» по отношению к стилю советского межвоенного «культпоказа» излишне упрощает выявленную им же самим многослойность феномена, особенно его обратного воздействия на развитие проектов создания «нового человека».

Анализ «культпоказа» позволяет автору не только осветить его каналы и инструменты, но и выявить поведенческие практики и объяснительные модели участвовавших в его формировании рядовых и нерядовых советских граждан, включая партийных и государственных деятелей, переводчиков, гидов и сотрудников госбезопасности. К примеру, внимание автора привлекает схожесть инсценировок в организации визитов иностранцев и показательной поездки по образцовым объектам СССР М. Горького. Травелог писателя лишь на первый взгляд являются восхвалением режима, на деле, как считает Дэвид-Фокс, отражают его стремление перенять инициативу и сотворить идеальный советский проект воспитания, новую культуру соцреализма. Это «своеволие» автор книги обнаруживает не только у литературного классика, но и у рядовых участников системы «культпоказа», вступавших в недозволенные неформальные контакты с иностранными визитёрами, поставлявших им альтернативную информацию, по договорённости покрывавших своих коллег в отчётных документах. В целом ВОКС и советская культурная дипломатия оставались продуктами самой системы с её бюрократической неповоротливостью, недостатком квалифицированных кадров и, главное, неразрешимой концептуальной дилеммой между подозрительностью и враждебностью к иностранцам и стремлением заимствовать у них все лучшие достижения, чтобы затем превзойти их по всем параметрам.

Причиной кризиса советской культурной дипломатии в предвоенном мире, как считает автор, стали даже не просчёты в организации и неспособность снять противоречия между идеологией и практикой, а радикальный внешнеполитический

поворот СССР – заключение пакта Молотова–Риббентропа. Его подписание нанесло сокрушительный удар по ключевым символам антифашизма, ознаменовало финал эпохи паломничества и обусловило разрыв преемственности в развитии советской культурной дипломатии.

И всё же присутствующие у автора в заключении книги излишне обобщённые характеристики послевоенного времени как истории провала или, в лучшем случае, отдельных успехов в странах «третьего мира» настоятельно требуют уточнения. Прямолинейная дихотомия «история успеха – история провала» скрывает от нас реальную картину персональных и институциональных судеб, насыщенного конфликтами и противоречиями международного взаимодействия послевоенного периода, влияния медийной революции второй половины XX в. на эволюцию неформальных культурных сетей⁴.

Размышления по поводу созвучия советского эксперимента универсальной модерности или множественным её вариантам М. Дэвид-Фокс развивает в своей новой книге «Пересекая границы»⁵. Он настаивает на необходимости дальнейшего изучения «кросс-культурных и трансидеологических взаимодействий» участников советского эксперимента и его внешних наблюдателей (на примере Р. Роллана, его жены М. Кудашевой, «прусского большевика» Э. Никиша, раннесоветских академических институтов). Можно согласиться с автором, что многофакторный анализ взаимных оценок и заблуждений окажет плодотворное влияние на изучение феномена сталинизма и глобальной истории XX века.

Тимур Мухаматулин: Две стороны советской витрины

Timur Mukhamatulin (Rutgers University, New Brunswick, USA, and Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Two sides of the Soviet showcases

В 2013 г. в России много говорили о выдающемся французском киноактёре Жераре Депардье. Специальным указом президента В.В. Путина он получил российское гражданство⁶, ему подарили квартиры в Грозном и Саранске, пресса широко освещала его поездки по стране, а в своих публичных высказываниях Депардье много говорил о своей любви к России и её культуре⁷. Эта история ещё раз демонстрирует, насколько актуальна тема книги американского историка М. Дэвида-Фокса, посвящённой культурной дипломатии коммунистического режима в 1921–1941 гг. Попытки повлиять на западное общественное мнение с помощью приглашаемых в страну интеллектуалов и знаменитостей, конечно, не прекращались в СССР никогда, но именно межвоенный период стал тем временем, когда этот инструмент использовался наиболее активно.

Дэвис-Фокс рассматривает работу Советского Союза по созданию положительного образа сквозь призму категорий полноценности/неполноценности, полагая, что «подобные образы всегда очевидны и играют существенную роль в репрезентациях себя и другого» (с. 57). Автор также констатирует «в высшей степени

⁴ См.: *Нагорная О.С.* «...Когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989) // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 269–278.

⁵ *David-Fox M.* Crossing borders. Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, 2015.

⁶ URL: <https://ria.ru/culture/20130106/917210546.html>. Дата обращения здесь и далее: 23.01.2017.

⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vDK4SV0xqoI>

иерархическое воззрение на мир», порождённое в СССР марксизмом-ленинизмом. Он показывает, как менялось отношение к работе с иностранцами в Советском Союзе, как ощущение превосходства «культурного Запада» (с. 81), казавшееся незбылемым в начале и середине 1920-х гг., к концу 1930-х исчезло, сменившись идеей советского превосходства. Формированию этого «комплекса» посвящена отдельная глава книги, в которой автор прекрасно показывает масштаб кампании по внедрению нового представления о месте СССР в мире. В итоге в Советском Союзе «превосходство... над всем остальным миром и изоляция... стали теперь, по сути, синонимами» (с. 515).

Вероятно, этот тезис следовало бы развить: внедрявшаяся «сверху» новая самооценка находилась в тесной связи с идеей возможности строительства «социализма в одной стране». Результаты, к которым пришёл Дэвид-Фокс, могут быть вписаны в концепцию «национал-большевизма», которую изложил в одноимённой работе Д. Бранденбергер⁸.

Следует отметить, что сам Дэвид-Фокс лишён чувства имманентного превосходства зарубежной (в данном случае, американской) исторической науки над российской: его книга не только опирается на работы западных русистов (часто цитируется, к примеру, исследование К. Кларк), но и содержит обильные ссылки на целый ряд видных российских исследователей проблематики «культурной дипломатии» (А.В. Голубева, Г.Б. Куликову, В.А. Невежина и др.).

Историк представляет читателям целую галерею иностранных гостей, заинтересовавшихся советским проектом. Среди них выделяются две большие группы: правые технократы (например, представители немецкого общества «Арплан») и левые интеллектуалы. В числе последних, разумеется, самые яркие персоны — Т. Драйзер, А. Жид, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер и ряд других. Отмечая разницу между их высказываниями в самом Союзе и вне его, автор показывает сложности восприятия ими советского проекта: кого-то смущала бытовая отсталость СССР (Фейхтвангер), кто-то находился в плену стереотипных представлений об «азиатскости» России (Драйзер), кого-то беспокоили сложности с признанием прав гомосексуалов (Жид).

Похожая двойственность отмечена и у правых — идеологическая ненависть к коммунизму «одновременно с явной или тайной увлечённостью большевистской революцией» (с. 416). Сюжет, связанный с приездами интеллектуалов националистических взглядов из Германии, привлекает особое внимание: во-первых, малоизвестна фактическая информация, приводимая Дэвидом-Фоксом. Во-вторых, автор анализирует её, не пытаясь найти сходства «двух тоталитарных режимов», а рассматривая в контексте сложной международной ситуации начала 1930-х гг., когда все стороны стремились тайно или явно отыскать союзников среди потенциальных врагов.

Автор оговаривается: он сконцентрировался на интеллектуалах из Центральной и Западной Европы. В частности, из-за этого из повествования практически выпали визиты в СССР представителей испанской творческой интеллигенции. Как известно, в 1930-е гг. она пережила серию социальных потрясений, закончившихся трёхлетней гражданской войной, в которую прямо или косвенно были вовлечены Германия, Италия и СССР. В Советский Союз приезжали многие испанские поэты и писатели, например, Рафаэль Альберти и его жена Мария-Тереса Леон. Их пример поучителен: в отличие от некоторых более известных западных интеллектуалов, они строго следовали ожидавшемуся от них сценарию

⁸ *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 годы. СПб., 2009.

поведения – публично хвалили советское руководство, оправдывали политические судебные процессы и репрессии. Объяснений тому несколько: во-первых, они не имели статуса вселенских знаменитостей (которым, безусловно, обладали такие визитёры в СССР, как Р. Роллан и Дж.Б. Шоу), во-вторых, их материальные возможности не позволяли им вести себя независимо, в-третьих, испанцы не ощущали никакого культурного превосходства, а напротив, смотрели на советский опыт «снизу вверх»⁹. Последнее подтверждает продуктивность выбранного Дэвидом-Фоксом угла зрения: значение представлений о неполноценности и превосходстве как для гостей Советского Союза, так и для принимавших их хозяев было очень значительным.

Возвращаясь к материальному: удивительно, что самим «технологиям гостеприимства» автор уделяет минимальное внимание, используя при этом лексику из книги Пола Холландера «Политические пилигримы»¹⁰. Когда Дэвид-Фокс характеризует путешествия западных гостей как «одно из самых печально известных событий политической и интеллектуальной истории XX века» (с. 19), кажется, что он берёт у Холландера не только некоторые идеи (например, что «предрасположенность левых интеллектуалов к утопиям» повлияла на приезжавших больше, чем «машинерия советского гостеприимства», с. 192), но и обличительный настрой. Тем не менее это ощущение быстро удаётся преодолеть: академический тон и стиль не изменяют автору до конца книги.

В заключение Дэвид-Фокс ещё раз отмечает, что «вечная проблема отсталости остаётся... сердцевиной российского отношения любви-ненависти к западному миру» (с. 534). Можно продолжить его мысль: помимо извечных сравнений и выборов пути развития, остаются теми же и методы постсоветской культурной дипломатии. От современных пилигримов ждут того же – восхищения и одобрения порядков, установившихся в стране¹¹. Интересным образом совпадают и типаж, заинтересованные в постсоветской (или, если быть точным хронологически, посткрымовской) России как проекте: националистически настроенные правые и протестующие против истеблишмента левые¹². Можно лишь согласиться с автором: комплекс этих проблем останется актуальным, пока будет обсуждаться проблема «Россия и Запад».

Александр Голубев: Между пропагандой и реальностью

*Alexander Golubev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
Between propaganda and reality*

Книгу М. Дэвида-Фокса, безусловно, можно считать заметным явлением в современной историографии. Она основана на большом массиве как российской,

⁹ Представители испанских интеллектуальных кругов (в первую очередь, либералы и левые) видели в СССР успешный пример того, как разрешаются многочисленные экономические, социальные, национальные и прочие противоречия в стране, отстающей в развитии от лидеров западного мира. Для них СССР был, по выражению Х. Грэм, «иконой модерности». Впрочем, националисты в Испании называли культурную политику СССР «культурным большевизмом» и отторгали её. Подробнее см.: *Graham H. Spanish Civil War. A Very Short Introduction. Oxford, 2005.*

¹⁰ Холландер П. Политические пилигримы. СПб., 2001.

¹¹ Усилились эти стремления после присоединения к России Крыма весной 2014 г., не признанного мировым сообществом. Поиск российской властью «диссидентов» среди представителей элит западных стран с тех пор стал постоянным (и, стоит добавить, довольно успешным).

¹² Так, в 2015 г. в Санкт-Петербурге прошёл международный русский консервативный форум, в котором приняли участие представители Греции («Золотая Заря»), Германии (Национально-Демократическая партия), Италии («Новая Сила») и др. В 2016 г. представитель партии «Левые» (Германия) Андреас Маурер совершил поездку в Крым, несмотря на официальную позицию ФРГ, не признающей присоединение Крыма к России.

так и западной литературы, к тому же покоится на прочном архивном фундаменте. При этом автор, опровергая распространённое мнение о том, что иностранному исследователю трудно понять нюансы российской истории, исходит из верной в целом предпосылки: «взгляд извне» не только допустим, но и может открыть нечто новое даже для отечественного наблюдателя. Следует оговориться, однако, что порой такой подход ведёт к недооценке фактов, а главное — выводов, содержащихся в историографии российской.

Ключевыми для автора являются категории превосходства и неполноценности. Дэвид-Фокс постоянно возвращается к ним, но не задаётся вопросом, специфичны ли эти категории именно для взаимодействия Советской России и Запада или применимы к ситуации контакта любых культур? И, если верно последнее, в чём тогда уникальность рассматриваемого им в книге материала?

Автор старается разобраться, «каким образом в течение двух бурных десятилетий, когда формировалась советская система, Запад оставался постоянным фактором её развития будь то в виде перенимаемых или отвергаемых её моделей, представлений о внешнем мире, которые требовалось развить или изменить, или в важнейшем процессе выявления друзей и врагов, или, наконец, что не менее значимо, в глубоком влиянии системы приёма иностранных знаменитостей» (с. 22). На самом деле эти сюжеты достаточно подробно рассмотрены в статьях, а частично и монографиях российских исследователей. Помимо упомянутых в книге Г.Б. Куликовой, В.А. Неvejeина, это Е.С. Сенявская, Е.Ю. Зубкова, М.М. Кудюкина, В.И. Фокин, В.А. Токарев и многие другие, не говоря уже об исследователях, работавших в советские времена. Частным примером может служить утверждение автора о том, что «сталинизм, ассоциируемый столь однозначно с сугубым изоляционизмом, первоначально заключал в себе стремление к международному взаимодействию, пусть и жёстко ограниченному. Это до сих пор недопонято историками» (с. 522). Во-первых, стремление сталинизма к взаимодействию сохранялось и в 1937, и в 1939 г. (что можно продемонстрировать бурным ростом советско-германских культурных связей после подписания пакта Молотова—Риббентропа¹³), и в годы Великой Отечественной войны¹⁴. Во-вторых, это свойство сталинизма давно уже было подмечено российскими историками¹⁵.

Вызывает сомнения убеждённость автора в отсутствии прямой преемственности российского и советского международного поведения, в том числе в рамках культурной дипломатии. В действительности же, при всей серьёзности различий, такая преемственность была — и организационная, и порой даже персональная. Вместе с тем он точно подмечает важную предпосылку успехов советской культурной дипломатии: в восприятии западных гостей «привлекательно знакомое сочеталось с радикальной новизной» (с. 22).

Вслед за М. Нолан автор подчёркивает, что в межвоенной Европе соперничали две модели перспективного развития — социализм и американизм. На самом деле достаточно привлекательным для многих западных умов путём развития, особенно в первой половине 1930-х гг., являлся не американизм,

¹³ Неvejeин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939—1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 18—34.

¹⁴ Голубев А.В., Поршинева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.

¹⁵ См.: Голубев А.В. «Строительство дома цензуры» (к вопросу о закрытости советского общества) // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 73—87.

а фашизм (кстати, этот взгляд разделяли и некоторые представители советской интеллигенции, особенно принадлежавшие к старшему, дореволюционному поколению¹⁶).

Ещё один любопытный нюанс. Многие «объекты показа», действительно являясь чем-то совершенно новым для российского быта, особенно в национальных республиках, не казались такими иностранным гостям. Автор подчёркивает: подобные объекты создавались не столько для внешней, сколько для внутренней пропаганды. Конечно, она играла огромную роль в жизни советского общества, но значение образцовых объектов было гораздо бóльшим: эти колхозы и больницы, учебные заведения и исправительные учреждения рассматривались в СССР как своеобразные «маяки», указывавшие путь отстающим, своеобразные примеры светлого нового мира, которые необходимо всячески распространять, тиражировать.

Помимо общих, нередко интересных и неожиданных рассуждений о взаимоотношениях России и Запада, хотелось бы подробнее разобраться в повседневной деятельности бюрократической машины ВОКС, а также в инфраструктуре, создававшейся им на Западе. Кажется, автор порой не до конца разделяет такие разные организации, как общества дружбы и общества культурных связей с СССР. Он, очевидно, понимает разницу между ними, но читателю её не объясняет. А ведь история обществ дружбы и обществ культурных связей с СССР, даже по тем материалам, что отложились, например, в архиве ВОКС, предстаёт как драматичная, наполненная различными интересными и противоречивыми персонажами, сложными человеческими и политическими коллизиями. Впрочем, Дэвид-Фокс подчёркивает, что «общества дружбы становились жертвами двойственной политики: с одной стороны, предусматривалось, что они должны вести в основном идеологическую работу; с другой — их обязывали отделиться от Коминтерна и местных компартий, в то время как дипломаты были заняты откровенно иными заботами» (с. 155). На самом деле роль обществ дружбы постоянно то росла, то снижалась в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации.

Дэвид-Фокс подробно рассматривает деятельность первого председателя ВОКС О.Д. Каменево́й, почти не изученную даже в постсоветской историографии (не говоря уже о советской, где её фамилия по понятным причинам практически не упоминалась). Чуть меньше внимания он уделяет А.Я. Аросеву, третьему председателю ВОКС. Зато почти не упоминается его предшественник Ф.Н. Петров, который руководил ВОКС в 1929–1933 гг. А ведь он был в своё время достаточно крупной фигурой, постепенно, впрочем, потерявшей влияние¹⁷. Может быть, ВОКС оказалось лишь промежуточным этапом в его долгой жизни, но зато Петров оказался во главе ВОКС в те годы, когда международное положение и ситуация в СССР переживали драматические перемены, да и само ВОКС претерпевало серьёзную реорганизацию.

¹⁶ См. об этом: *Голубев А.В.* Мир начала 1940–х гг. глазами русского писателя // *Российская история.* 2013. № 3. С. 149–154.

¹⁷ Петров Фёдор Николаевич (1876–1973), врач по образованию, большевик с 1903 г., был участником революции 1905–1907 гг. Сидел в Шлиссельбурге, затем на каторге. В 1920–1922 гг. занимал пост заместителя председателя Совета министров Дальневосточной Республики, был членом Дальбюро ЦК РКП(б). В 1923–1927 гг. возглавлял Главное управление научных и учебных заведений Наркомата просвещения РСФСР. С 1927 по 1949 г. один из руководителей и редакторов издательства «Советская энциклопедия». Дважды Герой Социалистического труда (1961, 1971).

Можно поспорить с утверждением, что на гостях-иностранцах советские власти как бы обрабатывали «технологии приручения» собственной элиты — тут, скорее, была обратная последовательность. Всё-таки с проблемой «приручения» собственной элиты власти столкнулись раньше и уже накопили определённый опыт, который пытались применить и к иностранным гостям. Отмечу также одну частную, но существенную неточность. Дэвид-Фокс относит начало так называемых массовых операций к лету 1937 г. (с. 498), но на самом деле они начались на год раньше.

Впрочем, подобные частные недостатки перекрываются многочисленными достоинствами книги. Так, автор справедливо замечает, что «коммунизм являлся весьма гибким мифом, а культурная дипломатия при этом ловко манипулировала его многообразием, тем самым не требуя от сочувствующих западных интеллектуалов единогласной поддержки какой-либо одной черты; в то же время каждый из них связывал с советской системой свою собственную заветную надежду на лучший миропорядок» (с. 349). Его заслугой является также введение и широкое использование термина «культура антифашизма» вместо уже привычного «движения антифашизма», что расширяет рамки самого явления.

Пожалуй, наиболее важной и интересной частью книги является подробное описание встреч и бесед И.В. Сталина с наиболее выдающимися гостями, их преимущественно позитивной реакции на эти встречи, причём не только спонтанные, но и отнесённые достаточно далеко во времени. Пожалуй, единственным значимым исключением оказался А. Жид, но он-то как раз со Сталиным и не встречался. Конечно, посещениям Г. Уэллса, Б. Шоу, Л. Фейхтвангера, Р. Роллана посвящено несколько документальных публикаций, много статей, эта тема затрагивается (иногда подробно) в ряде монографий. Но и тут М. Дэвид-Фокс сумел найти свои подходы и нюансы. А наиболее развёрнуто и интересно описан приезд Т. Драйзера. Историк, опираясь на материалы самого писателя и лиц, окружавших его в течение поездки, подробно анализирует, как и почему менялся взгляд Драйзера на Советскую Россию и чем объяснялись неожиданно позитивные оценки, которые отсутствовали во время его пребывания в СССР, но неоднократно высказывались после возвращения в США.

А закончить хотелось бы вот чем. Автор приводит слова знаменитого американского дипломата Дж. Кеннана о советской политике — «голодать ради славы» («starve itself great»). Я бы перевёл это выражение, может быть, не столь удачно с точки зрения стилистики, но точнее по смыслу: «Доголодать до величия». Неплохая эпитафия той эпохе...

Владимир Невезжин: Утомлённый ВОКСом

Vladimir Nevezhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Wearing by VOKS

Участники дискуссии уже отметили, что монография известного американского историка М. Дэвида-Фокса основательно фундирована: она стоит даже не на трёх, а на четырёх «китах» — РГАСПИ, ГА РФ, РГАЛИ, АВП РФ. Всего автор привлёк документальные материалы 19 фондов этих крупнейших российских архивохранилищ, многочисленные опубликованные источники (воспоминания, дневники, официальную, личную переписку и др.). Не обошёл он вниманием и исследования своих предшественников, изучавших сюжеты, сходные с его проблематикой, а в русскоязычном издании использовал некоторые публикации

источников и работы историков, вышедшие в свет после 2011 г. (когда появилась англоязычная версия его книги). Назовём также довольно близкие по проблематике диссертации и монографии российских учёных последних лет¹⁸.

Автор анализирует функционирование таких общественных организаций, как Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР, Комиссия по внешним сношениям ВЦСПС. Но самое пристальное внимание он уделяет повседневной деятельности руководства ВОКС. И это не случайно: ведь он считает именно эту организацию «ключевым учреждением советской культурной дипломатии» (с. 25). На первый план выведены фигуры О.Д. Каменевой и А.Я. Аросева, первого (1925–1929) и третьего (1934–1937) председателей Общества. Я хотел бы подробнее остановиться на некоторых важных аспектах личности и судьбы Аросева, которые, как мне кажется, помогают глубже понять и специфику положения ВОКС в системе власти 1930-х гг.

Биографические материалы об Аросеве обнаружены историком в личном фонде Сталина (РГАСПИ) и фонде ВОКС (ГА РФ). Дэвид-Фокс также цитирует чудом сохранившиеся и опубликованные в мемуарах его дочери — известной актрисы О.А. Аросевой — дневниковые записи отца. Красной нитью через монографию проходит мысль о том, что третий председатель внёс весомый вклад в дело превращения ВОКС в своеобразный форпост, оказавшийся волею обстоятельств «на пересечении пропаганды, влияния и культурных отношений». В результате эта организация шла, по словам историка, «в авангарде согласованного и зачастую искусного использования новым (советским. — *В.Н.*) режимом системы патронажа на службе культурной дипломатии» (с. 175). В то же время в книге проводится и другая идея: Аросев пережил в 1920–1930-е гг. «ряд внутренних конфликтов между своими честолюбивыми политическими и дипломатическими замыслами и собственной же идентичностью человека культуры». На сей счёт, развивая свою мысль американский исследователь, в его дневнике содержатся записи, зафиксировавшие сомнения «по поводу того, не административная ли работа привела к неудаче в его писательской карьере» (с. 146).

Однако из исследования самого Дэвида-Фокса вытекает, что для возникновения и развития в сознании Аросева подобных сомнений находились и более серьёзные основания, чем несостоявшаяся писательская карьера. Его постоянно угнетали коренные недостатки в деятельности ВОКС, которые, по мнению автора монографии, сводились к следующему: «проволочки, путаница, отвратительные переводы, нехватка квалифицированных кадров и непонимание культурных особенностей других стран и народов» (с. 175). Определённое воздействие имел и другой немаловажный фактор: Аросев, как подчёркивает Дэвид-Фокс, «относился с презрением к многочисленным не повидавшим мира и необразованным аппаратчикам», которых большевистское руководство стало особенно активно выдвигать с конца 1920-х гг. (с. 145). В монографии цитируются некоторые дневниковые записи Аросева в подтверждение данного тезиса (с. 374)

Как представляется, можно было бы дополнить их перечень, добавив новые штрихи к встроеному в общую канву повествования Дэвида-Фокса рассказу о судьбе председателя ВОКС Аросева. Вот, например, как он характеризовал, в

¹⁸ *Третьяченко Е.А.* Образ Советской России в творчестве американских писателей и публицистов в историко-культурном контексте 1917–1991 гг. Дис. ... канд. культурологии. Шуя, 2010; *Куликова Г.Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: очерки документированной истории. М., 2013; *Голубев А.В., Невежин В.А.* Указ. соч.

дневнике своих заместителей: «Евнух Аппетин¹⁹ семенил ногами и исторгал слова, словно кожурки от семечек выплёвывал. Он ненавидит меня, мою жену, всё моё. Он – учитель чистописания. Трагедия его в том, что теперь отменены мундиры и панихиды»²⁰; «Хитрецы какие пошли теперь. Долго верил Кулябко²¹ (мой зам), но он решил сделать карьеру на моей шее. Ему досадно, если что-либо удастся помимо него»²². 23 сентября 1934 г. Аросев записал в дневнике: «Даже дети не будут знать, что я преждевременно умер от непосильной ноши семейной жизни и труда, часть коего мне не нужна (например, работа в ВОКСе). Лучше бы просто писать. Вообще живу не так, как мне нравится. А это страшно»²³. 19 декабря 1934 г., находясь в служебной командировке в Париже, Аросев развивал свои «кромольные» мысли: «Почему я – ВОКС? Почему я должен заботиться, чтобы в Париже получали книги, скажем, по химии от нас, а мы – от них? Почему я должен устраивать обмен театрами? Почему я должен выслушивать каких-то посредников, убогих переводчиков, учительшек... почему я практически очень мало могу сделать истинным и большим нашим друзьям, таким как проф. Ланжевейн, как Андре Жид, Виктор Мэргерит?»²⁴.

Несомненный интерес представляет характеристика, данная Аросеву французским писателем Р. Ролланом по завершении его поездки в СССР летом 1935 г. Роллан, о посещении которым Советского Союза неоднократно упоминал Дэвид-Фокс, в частности, писал: «Аросев... неплохой человек, но ограниченный и холерик. Вепрь. Почти все, с кем я о нём говорил в Москве, отзывались презрительно: “Дурак”. Он не дурак. Но его непоправимо бестактные поступки, которые он совершает из-за своего уязвленного самолюбия, превращаются в опасные промахи». Роллан выражал опасение, что из-за своей назойливости Аросев, уже лишённый ранее должности посла, может потерять «и пост председателя ВОКСа»²⁵.

Однако, как показано в книге Дэвида-Фокса, отнюдь не уязвленное самолюбие и не нарочитая назойливость в отношении представителей западной интеллигенции, посещавших Москву, стали причинами падения и трагической гибели Аросева. Автор привёл факты, свидетельствующие о том, что руководитель ВОКС стремился адаптироваться в условиях развёртывавшейся кампании всеобщей подозрительности, направленной против тех, кто имел по роду деятельности непосредственные контакты с иностранцами. Именно он, как следует из монографии, обвинял в июле 1935 г. собственных подчинённых в нарушении основных принципов «бдительности», издав специальную инструкцию относительно разговоров с иностранцами в их присутствии (с. 495). Понятно, что подобные инструкции Аросев вводил в повседневную практику отнюдь не по собственной инициативе. В книге приводится цитата из его письма (май 1936 г.) на имя Н.И. Ежова: «Именно от Вас исходил ряд указаний мне, связанных с усилением бдительности, для предупреждения попыток использования ВОКСа враждебными элементами» (с. 493).

Уместно напомнить, что именно в бытность Аросева председателем Общества практиковались и подробные доклады (пересылавшиеся затем в «компетентные органы» под грифами «секретно» и «не подлежит оглашению») советских

¹⁹ Аппетин Михаил Яковлевич (1885–1981), генеральный секретарь, заместитель председателя ВОКС.

²⁰ Цит. по: *Аросева О.А.* Прожившая дважды. М., 2013. С. 92.

²¹ Кулябко Николай Николаевич, заместитель председателя ВОКС.

²² Цит. по: *Аросева О.А.* Указ. соч. С. 134.

²³ Там же. С. 94.

²⁴ Там же. С. 120.

²⁵ *Роллан Р.* Московский дневник Ромена Роллана // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 216.

переводчиков, прикрепленных к иностранцам, прибывавшим в СССР. В них фиксировалась информация о том, что вызывало недовольство почётных гостей, указывались источники, из которых она черпалась. Вместе с тем «прикрепленные» вели «разъяснительную работу» со своими «подопечными», всячески старались контролировать все их посещения и личные контакты²⁶. В книге Дэвид-Фокс использовал тексты таких отчётов, в частности Д.Л. Каравкиной, сопровождавшей Л. Фейхтвангера в ходе его визита в Советский Союз в 1936–1937 гг. (с. 454–457, 459–461). Следует добавить, что уже введены в оборот подобного рода материалы, написанные и другими гидами-переводчиками ВОКС²⁷. В конечном счёте Аросев и сам оказался жертвой принудительной кампании «усиления бдительности», поголовно отхвачившей ВОКС. Об этом свидетельствует, например, его дневниковая запись от 5 сентября 1936 г.: «На службе много работы и много игры. Теперь ко мне приходят все, и каждый друг на друга доносит»²⁸.

Несмотря на свои многочисленные письменные обращения, Аросев не смог убедить «Сталина и других партийных руководителей сделать ВОКС монополистом в сфере культурной дипломатии» (с. 486). Более того, он по существу был изолирован от важного дела приёма в Москве одного из видных «друзей СССР» Фейхтвангера. 6 января 1937 г., буквально накануне беседы Фейхтвангера и Сталина, состоявшейся в Кремле, Аросев записал в дневнике: «Доверия мало. На мою работу в ВОКСе внимания обращают мало»²⁹. Затем последовали изнурительные «проработки» председателя Всесоюзного общества культурной связи с заграницей по производственной и по партийной линии, которые буквально обессиливали его³⁰. В монографии приведено свидетельство одной из сотрудниц ВОКС, которая на всю жизнь запомнила выражение «боли и тревоги» на лице Аросева, когда он вернулся с общего собрания, где против него были выдвинуты обвинения «в агрессивной манере» и «в ксенофобском ключе» (с. 498–499). О реакции Аросева на эти нападки и обвинения в политической неблагонадёжности можно судить и по его дневниковой записи от 2 апреля 1937 г.: «Утром в ВОКСе комиссия из района. Люди непонимающие, несамостоятельные, по-видимому, получили задание во что бы то ни стало скомпрометировать меня»³¹. 3 июля 1937 г. Аросев был арестован. Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 10 февраля 1938 г.

В целом рассказ о том, как к концу 1930-х гг. ВОКС практически прекратило «деятельность по приглашению и приёму иностранцев» и было вынуждено сосредоточиться «только на мероприятиях за границей» (с. 504), занимает важное место в фундаментальном исследовании Дэвид-Фокса. Этот сюжет тесно связан с описанием биографии руководителя ВОКС Аросева, который, согласно характеристике американского историка, «всегда оставался приниженной фигурой в политической и культурной жизни, хотя и имел большие амбиции» (с. 29). Оба сюжета позволяют не только представить непростую ситуацию, сложившуюся

²⁶ Куликова Г.Б. Указ. соч. С. 145.

²⁷ «Основная цель его приезда...». Отчёты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. / Публ. А.В. Голубева // Исторический архив. 1996. № 3. 134–150; Аверьянова Л.И. Vox Humana. Собрание стихотворений. М., 2011.

²⁸ Аросева О.А. Указ. соч. С. 278.

²⁹ Там же. С. 278.

³⁰ Там же. С. 311–312, 323–324, 326, 331.

³¹ Там же. С. 331.

в ВОКС к концу 1930-х гг., но и понять причины свёртывания культурных связей СССР с зарубежными странами накануне Второй мировой войны.

Василий Чернонёров, Сергей Усманов: Бумеранг «культпоказов»?
Vasilii Chernoperov, Sergey Usmanov (both – Ivanovo State University, Russia):
The Boomerang of showcasing?

Первые десятилетия существования советского эксперимента остаются эпохой, всё ещё недостаточно исследованной и осмысленной в исторической науке. В ней немало «белых пятен», сомнительных концепций, противоречивых гипотез, а то и очевидных политизированных мифологем, затрудняющих восприятие исторических реалий, столь болезненных для нашего общественного сознания. В этой связи появление русского перевода книги М. Дэвида-Фокса о советской культурной дипломатии 1920–1930-х гг. весьма интересно и своевременно, тем более что американский историк является автором многих научных работ по истории советской эпохи³² и хорошо известен в России.

Обсуждаемая книга – весьма насыщенное значительным фактическим материалом объёмное исследование. Автор использовал большой массив источников, в том числе архивные материалы Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, ВЦСПС, Агитпропа Коминтерна, Интуриста и Иностранной комиссии Союза писателей СССР. При этом его исследование имеет подчёркнуто концептуальную направленность, особенно заострённую в авторском предисловии к русскому изданию: «В течение многих лет, когда я подолгу работал в России, мне часто приходилось слышать, что по-настоящему понять советскую систему может только тот, кто в ней жил, и что посторонним, т.е. иностранным исследователям, таким как я, трудно до конца постичь Россию. Я придерживаюсь другого мнения. Конечно, знание о явлении или событии изнутри – ключевое, но и взгляд со стороны не менее значим: он может обнаружить в привычном явлении нечто новое» (с. 10).

Автор выделяет два основных направления своего исследования. В рамках первого «рассматривается происхождение и развитие особой системы приёма иностранцев и способ влияния на них и на западное общественное мнение» (с. 11). Но не менее значимо и второе. «В моей книге, – пишет Дэвид-Фокс, – содержится и более общее... утверждение о советской системе. Я доказываю, что хотя ВОКС и родственные ведомства, связанные с международной культурной политикой и пропагандой, были не более чем политической силой среднего уровня, но совокупные усилия советского государства повлиять на взгляд иностранцев, особенно с Запада, были настолько значительными, что оказали глубокое воздействие на развитие советской системы в целом в первые десятилетия её существования... В книге утверждается, что попытки советского государства повлиять на общественное мнение за рубежом и создать островки советской реальности, предназначенные для глаз иностранцев, вызвали эффект “бумеранга”» (с. 12).

По мере знакомства с книгой нетрудно убедиться, что именно первое направление его изысканий – «культпоказ» иностранцам советских достижений – является в ней основным, тогда как второе – обратное влияние этого «культпоказа» на советскую систему – представлено в труде намного слабее и менее убедительно.

³² *David-Fox M. Crossing Borders...; David-Fox M. Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca; N.Y., 1997; и др.*

Действительно, значительное место в исследовании занимает изучение поездок в СССР знаменитых литераторов и общественных деятелей Запада А. Барбюса, С. и Б. Вебб, Т. Драйзера, А. Жида, Р. Роллана, Л. Фейхтвангера, Дж.Б. Шоу и ряда других, менее известных лиц. Конечно, об этом уже много написано другими исследователями, но Дэвид-Фокс приводит немало новых и интересных материалов, акцентируя внимание на обстоятельствах, способствовавших различному отношению визитёров к демонстрируемой им рекламной витрине «первой страны социализма».

Но едва ли не всех иностранных гостей в работе историка затмевает фигура Ольги Давидовны Каменевой, супруги Л.Б. Каменева и сестры Л.Д. Троцкого. Пожалуй, значение этой личности в книге даже несколько гипертрофировано, хотя американский исследователь вполне аргументированно показывает относительную самостоятельность деятельности Каменевой в 1920-х гг., отмечая её заслуги в создании и совершенствовании ВОКС, а также довольно искусном манипулировании западными интеллектуалами. Подчёркивая дипломатичность и гибкость в работе с иностранцами и её самой, и некоторых её сотрудников и преемников, автор книги приводит и менее благоприятные свидетельства об этом направлении пропагандистской работы большевиков. Так, в отчёте о работе ВОКС за 1927 г. сама Ольга Давидовна откровенно сообщала: «В созданной партией системе связи с заграницей на ВОКС падают совершенно точно определённые задачи. Если Коминтерн и Профинтерн заняты рабочим движением, то ВОКС, в помощь этим организациям, обрабатывает промежуточный слой — интеллигентскую “общественность”, не входящую в их поле зрения, пользуясь для проникновения в эти круги флагом “нейтрального” общества» (с. 90). Стоит отметить, что многие аспекты и сюжеты работы ВОКС и других советских учреждений, освещаемые Дэвидом-Фоксом, уже анализировались ранее российскими исследователями. Автор их упоминает и цитирует, особенно книги А.В. Голубева и Н.В. Киселёвой³³, но избегает рассматривать концептуальные соображения этих и других российских историков.

Менее убедительной выглядит трактовка исследователем той стороны культурной дипломатии СССР, которая осуществлялась советскими учреждениями за границей. Этой теме посвящена вторая глава монографии Дэвида-Фокса «Дорога на Запад: советские “культурные” операции за рубежом». Несмотря на то, что в ней используется большой фактический материал о «друзьях СССР» и работе с ними советских представителей, в центре опять оказывается О.Д. Каменева и сменивший её на посту главы ВОКС А.Я. Аросев. Между тем из сферы внимания историка выпал ряд значимых фигур советской дипломатии, например, Л.Б. Красин (во второй главе он не упоминается) или В.Л. Копп (вообще обойдённый вниманием автора)³⁴.

Теперь перейдём к обратному воздействию презентации советской действительности иностранцам на саму советскую систему. В своём предисловии к русскому изданию монографии Дэвид-Фокс реагирует на рецензию

³³ Голубев А.В. «Взгляд на землю обетованную»...; Киселёва Н.В. Из истории борьбы советской общественности за прорыв культурной блокады СССР (ВОКС: середина 20-х — начало 30-х годов). Ростов н/Д, 1991.

³⁴ См., например: Хромов С.С. Леонид Красин: неизвестные страницы биографии, 1920—1926 гг. М., 2001; Чернощёров В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918—1921 гг. Иваново, 2006; Чернощёров В.Л. Дипломат В.Л. Копп в становлении советско-германских научных, инженерно-технических и культурных связей (1919—1921 гг.) // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2006. № 4. С. 86—100.

известного исследователя П. Холландера, написанную на англоязычное издание книги. Холландер называет преувеличением его утверждение о том, что взаимодействие с за границей всерьёз влияло на развитие советской системы³⁵. В ответ Дэвид-Фокс подчёркивает: «мы говорим о косвенном влиянии» (с. 12). В самом деле, автор монографии тщательно подбирает аргументы в пользу своей действительно новой с научной точки зрения позиции о том, что советские руководители не только внимательно оценивали собственные усилия по оболъщению нужных им заграничных деятелей, но и более или менее существенно корректировали некоторые аспекты советской внутренней политики в связи с известными им отзывами иностранцев. Вот как сам Дэвид-Фокс излагает свой вывод: «Методы подготовки важных визитов, о которых как именно о “потёмкинских” писал по меньшей мере один западный журналист и сообщали другие очевидцы, — уборка и украшение зданий, удаление из поля зрения больных и бездомных — предвосхищали тот аврал приготовлений к приездам высших советских руководителей “на места”, который стал притчей во языцех в последующие десятилетия. Со временем, когда образцовые объекты сделались в меньшей степени картинками прекрасного завтра и в большей — каноническим доказательством превосходства советского строя, данные модели из экспериментальных и узкоспециальных учреждений превратились в важный инструмент формирования мировоззрения нового советского человека» (с. 241).

Как нам представляется, эта аргументация американского историка, несмотря на свою продуманность, является недостаточной. И дело не в том, что автор приводит слишком мало конкретных свидетельств в пользу сделанного им вывода. Главное — он опровергается сами ходом советской политической истории 1930-х гг.: новая волна массовых репрессий сопровождалась резким сокращением международных контактов СССР, размахом шпиономании и другими явлениями, которые никак не способствовали советской культурной дипломатии. Собственно, и сам Дэвид-Фокс пишет о влиянии культурного взаимодействия на советскую систему только «в последующие десятилетия». Несомненно, в 1950—1960-х гг. Советский Союз стал куда более чувствительным к культурному взаимодействию с Западом. Но это был уже совсем другой этап развития советской системы, когда она стала и более открытой внешнему миру и внутренне более уязвимой по мере нарастания в ней кризисных явлений.

Ещё одно обстоятельство не может не обратить на себя внимания заинтересованного читателя книги: американский историк избегает упоминания авторов Русского зарубежья — современников культурного диалога «страны Советов» и Запада. Почему? Свидетельства, размышления и надежды эмигрантов из России дали бы возможность добавить в исследование новое измерение. Оценок взаимодействия РСФСР/СССР с окружающим миром Русское зарубежье дало немало. В контексте обсуждаемой нами темы отметим только два из них. Во-первых, это написанная гораздо позже, в 1961 г., статья В.В. Вейдле о советской выставке в Париже. В ней много тонких и метких наблюдений взаимодействия советского и европейского, есть яркие

³⁵ Hollander P. [Review of] «Showcasing the Great Experiment» // Russian Review. Vol. 71. 2012. № 3. P. 353–354.

образы, характеризующие суть советского «культпоказа»³⁶. Во-вторых, статья Г.П. Федотова «Тяжба о России», опубликованная в 1936 г. «Этот неподдельный энтузиазм (масс “советских людей”. — *В.Ч., С.У.*), а не только декорации московских режиссёров обольщали чужестранных гостей, даже самых честных, но скудных собственной верой, с благоговением касавшихся земли новой мессианской религии. Но вот энтузиазм умер — по крайней мере энтузиазм революции, — и иностранцы больше не обманываются. Всё чаще возвращаются оттуда разочарованные», — писал в ней философ³⁷.

Конечно, наши замечания в адрес книги вовсе не вызваны стремлением её «развенчать». На наш взгляд, монография «Витрины виртуального эксперимента» представляет собой тщательно подготовленное высокопрофессиональное научное исследование, освещающее многие значимые и интересные для российского читателя проблемы отечественной истории 1920–1930-х гг.

Материал подготовлен И.А. Христофоровым

³⁶ Вейдле В.В. Москва у Версальских ворот // Вейдле В.В. Задача России. Минск, 2011. С. 271.

³⁷ Федотов Г.П. Тяжба о России // Федотов Г.П. Судьбы и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 2. СПб., 1991. С. 105.